

УДК 378.4
ББК 74.58 У 90

Идея университета: парадоксы самоописания

Сборник материалов третьей международной научно-практической конференции "Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению" (29-30 апреля 2002 г., Минск) Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования; Под ред. М.А.Гусаковского, А.А.Полонникова. Мн.: БГУ, 2002. - 244 с.

ISBN 985-6582-33-4

В сборнике представлены статьи участников работы двух конференций: международной научной конференции «Идея университета: авторитет классики и вызов современности» (18-19 октября 2001 г.) и философско-психологической секции третьей международной научно-практической конференции «Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению» (29-30 апреля 2002 г.).

Данное издание предназначено для преподавателей высших школ, ученых, аспирантов, слушателей курсов повышения квалификации, методистов и специалистов аппарата управления сферы образования.

СОДЕРЖАНИЕ

Шарко О.И.

Университет как дискурсивное событие. (с. 6)

Философия и социология образования

Н.И.Латыш

Идея университета в контексте современной цивилизации.
(с. 10)

М.А. Гусаковский

Приключения разума в культуре и судьба идеи университета (с. 16)

А.И.Левко

Классический и современный университет: проблема ценностей (с. 22)

А.А.Полонников

Педагогическая установка классического университета:

опыт психоисторической реконструкции (с.31)

Т.Ф.Милова

Университет как очаг свободы: мифология, социология, личностная стратегия (с.43)

Н.Э.Бекус-Гончарова

Университет как место социальной рефлексии (с.48)

Л.Г.Титаренко

Социально-психологические особенности образовательной университетской среды: опыт сравнительного исследования (с. 57)

В.А.Ерошенко-Риттер

Терапевтическая функция" философии математики Л.Витгенштейна в интеллектуальной рефлексии университетского образования" (с.61)

Т.В.Тягунова

Пространство образовательного дискурса: синдром "ускользающей реальности" (с.72)

Н.В.Михайлова

Картезианское понимание науки и конструктивная роль естественнонаучного образования (с. 76)

Ю.Э.Краснов

Континентальные "проектные университеты" как эпицентры программирования альтернативного образования (с. 81)

А.М.Алтайцев

Корпоративная культура университетов США (с.92)

А.М.Алтайцев

Возможные приоритеты образовательной политики и качество высшего образования (с.101)

Н.К.Кисель, И.А.Медведева

Информационные технологии в современной эдукологии университета (с. 107)

И.В.Агеев, И.Н.Ахраменко

Формирование модели дополнительного образования в области компьютерных технологий (с.114)

О.П.Кузнецик

Астрономия и современные основы естествознания (с. 120)

Л.А.Ященко

Зачем я знаю то, что я узнал(а) в университете? (с.126)

С.В.Костюкевич, А.В.Харченко

Портрет будущего специалиста: творческий исследователь или "механический" исполнитель (с.130)

В.И.Трофимец

Условия профессиональной деятельности молодых научных работников в отечественной науке (с. 143)

Психология образования

А.А.Полонников

Знание в психологической практике и психологическом образовании (с. 161)

Г.И.Малейчук

Образование как процесс смены идентичности (с. 171)

С.С.Харин

Генеративные отношения личности в контексте образовательных моделей (с. 175)

А.М.Корбут

Понятие генеративных отношений в университетском образовании (с. 187)

Е.С.Слепович

Размышление о воображении в контексте психологической практики "Психологии ребёнка с аномальным развитием" (с. 196)

Н.Д.Корчалова

Общая схема образовательного процесса как проекция стратегии мышления об образовании (с. 208)

Т.В.Тягунова

Негативность различения и предел интерпретации в образовательном дискурсе (с.213)

М.В.Соколова

Дискурсы профессионализма в современном психологическом образовании: сравнительный анализ (с. 219)

В.А.Герасимова

Когнитивная стратегия проблемного самоопределения в современном университете (с. 229)

КАРТЕЗИАНСКОЕ ПОНИМАНИЕ НАУКИ И КОНСТРУКТИВНАЯ РОЛЬ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михайлова Наталья Викторовна, аспирантка РИВШ БГУ

История культуры, включающая историю науки и образования, знает немало проблем и споров, которые, казалось бы, навсегда ушли в прошлое, но сегодня вновь привлекают к себе всеобщее внимание. В философии науки, точнее – в теории познания, такие вопросы называют «вечными». Одни под этим понимают принципиальную неразрешимость вопроса, тогда как для других «вечность» вопроса означает лишь то, что он обречен заново переосмысливаться каждым последующим поколением. К таким проблемам можно отнести понимание роли науки и естественнонаучного образования в современном обществе. Еще полтора столетия тому назад Александр Герцен говорил о том, что не верит в непрерывное восхождение к лучшему. Природа, считал он, индифферентна к Человеку. Она только предоставляет ему свои возможности, нередко в ущерб самой себе. Наша важнейшая задача состоит в том, чтобы достойно и успешно их реализовать.

Исторический опыт науки свидетельствует о том, что противостояние двух стратегий науки и научного мышления, активно соперничавших на рубеже XVIII-XIX веков, то есть классической или ньютоновской науки, с ее верой во всемогущество математизации, окрепнувшей в ходе научной революции XVII века, и идеями, отвергнутыми наукой и нашедшими убежище в литературе, искусстве и паранауке, вновь выглядят актуальными. Вопрос о точном и неточном знании является ключевым и в социальной оценке науки. Еще сравнительно недавно именно математика служила образцом точного знания. Однако в начале XX века математика столкнулась с определенными трудностями при решении некоторых внутренних задач, проливающих свет на степень точности формализованных теорий. Речь идет, прежде всего, о теоремах Гёделя о полноте и о так называемых проблемах оснований математики, точнее – о теории бесконечных множеств Кантора. С философской точки зрения, соответствующие проблемы отражают противостояние двух различных подходов к точности в науке. Для правильного понимания современных проблем мы постоянно обращаемся к великим мыслителям прошлого.

Французский математик и философ Рене Декарт (1596-1650), труды которого просвещенное человечество изучает уже почти четыре столетия, предупреждал, что "большинство голосов не является доказательством, имеющим какое-нибудь значение для истин, открываемых с некоторым трудом, так как гораздо вероятнее, чтобы истину нашел один человек, чем целый народ". В своих заметках философ Мераб Мамардашвили говорит о феномене неизбежности мысли, поскольку без мысли нет силы вещей, создающей историю [1].

Философствовать можно только о том, что обладает свойством личного. Философские рассуждения – неотъемлемая часть сознательной жизни. Ее иногда довольно трудно осознать или, как говорят философы, подвергнуть рефлексии, поскольку она иногда похожа на жизнь в мире имитаций. Бесспорно одно: наша сознательная жизнь целиком замкнута на индивидуальное сознание и только к этому предмету имеет отношение. Индивидуализация - это ничем незаменимое личностное существование в акте восприятия, обозначенное формулой Декарта *cogito ergo sum* - мыслю, следовательно, существую. Французский историк философии и науки Александр Койре заметил, что *cogito* Декарта содержало больше сокровищ, чем он создавал.

Во многом можно сомневаться, но в этом сомнении все же остается уверенность каждого в собственном существовании. Ибо без этой уверенности не только тяжело жить и создавать, но проблематичным и невозможным становится само сомнение. Двенадцать столетиями раньше святой Августин (354-430) провозгласил принцип *si fallor, sum* - я обманываюсь, следовательно, существую, который очень похож на декартовское *cogito ergo sum*. Но, как замечает выдающийся математик и мыслитель-гуманист Блез Паскаль (1623-1662), Августин далек от усмотрения в этом высказывании тех чрезвычайно важных

выводов, которые великий французский мыслитель сделал из своего *cogito*, поскольку, одно дело – высказать нечто случайно, не вдаваясь в дальнейшие размышления о нем, и совсем другое – извлечь из него замечательные следствия, доказывающие различие материальной и духовной природы. Декартовское "мыслю, следовательно, существую" стало моральной опорой человечеству в трудные периоды жизни и гарантом устойчивости научных исследований.

В своих мирах Мераб Мамардашвили любил встречаться со своими любимыми философами: Платоном, Декартом и Кантом. Рене Декарта именовали на латинский манер Картезий, а его учение – картезианством. Картезианское понимание науки - это образ науки, ориентированный на объективность. В то же время Декарт связывает с наукой и истиной понимание их значимости для человека и истолковывает научное знание как высшую человеческую ценность. Философия Рене Декарта оказала решающее влияние на формирование самого стиля мышления, характерного для XVII века, и на таких гигантов, как Исаак Ньютон и Готфрид Лейбниц. Декарт верил в априорные истины и в то, что разум своей силой может выработать полное знание обо всем. Математика, аналогично языку, музыке и мифотворчеству, принадлежит к числу изначальных проявлений человеческой творческой активности [2]. Математика явилась для Декарта отправным пунктом и вдохновляющим образцом его размышлений о проблемах, ставших основными в его беспристрастном творческом поиске истины.

Наука, следуя идеалам Декарта и Ньютона, понималась как всеобщее и универсальное знание, исключающее субъективные подходы. По мнению Рене Декарта, естественный свет разума, прорезывающий тьму незнания и указывающий путь к абсолютным истинам, зажигает в душе человека Бог. Однако великие создатели классической науки по-разному понимали, каким образом разум проходит этот путь. Декарту он представлялся как строго обоснованное, согласованное с правилами универсального метода, исследование данных Богом очевидностей и врожденных идей, в применении к сложнейшим конструкциям и понятиям человеческого ума. Ньютон отдавал предпочтение эксперименту в рамках надежной математической теории, не доверяя ни очевидностям, ни врожденным истинам.

Поразительно, как наука, которая постоянно критиковала свои собственные утверждения, опровергая и выдвигая новые гипотезы, пытаясь освободиться от исследователя, смогла погрузиться в догматизм. Рене Декарт сформулировал положение, согласно которому, мы познаем только то, что сами же и творим. Оно легло в основание новоевропейского естествознания и позднее было поддержано Иммануилом Кантом. Картезианское понимание природы шло через максимальное сближение физического объекта с математическим. Это понимание своеобразно преломилось и в образовании, поскольку выработкой новых знаний занимается наука, а их усвоением и распространением – образование. Это понимание образования и его отношения к науке завещано нам эпохой Просвещения.

Мы принадлежим к тому интеллектуальному универсуму, принципы которого сформулировал один из первых и значительнейших деятелей в этой области – Рене Декарт. Он не столько приобщил нас к великим истинам, сколько определил строй нашего мышления, оставаясь творческим источником нашей умственной жизни. Может быть, поэтому с ним спорят, вступают в диалог современные философы. В европейской культурной истории, а, возможно, и в истории духа вообще, существует некий закон, проявляющий себя в отчетливой ритмичности, с которой периоды разреженности идей сменяются эпохами их необыкновенно интенсивного созидания. Так, античная философия в период создания своих наиболее существенных направлений занимает чуть более полутора столетий. Философия Высокого Средневековья и Возрождения, наиболее существенная в творческих идеях и свершениях, обнаруживается примерно на протяжении двух веков.

Даже блистательный XVII век относится к такому же периоду исключительной результативности духовной деятельности, совпавшей с фундаментальным изменением жизни человека западного мира, благодаря которому создан феномен, который стали именовать Западом, включающий наряду с общественно-политическими ценностями науку, технику и высокий уровень абстракции. В этот век впервые наука выступила как реальная сила его истории. Это век создания новой философии, новой математики и нового знания, одним из творцов которого был Рене Декарт [3]. Мераб Мамардашвили говорил, что Декарт – самый таинственный философ Нового времени или даже вообще всей истории философии. Одной из наиболее фантастических вещей в философии Декарта является его понимание того, что для мысли самым страшным врагом является прошлое, поскольку то, что называется прошлым, складывается с такой скоростью, которая не дает возможности ни подумать, ни понять, хотя и кажется, что это все мы уже пережили. Прошлое только обладает видимостью понятого и пережитого. Мы в

каждую минуту, будучи конечными существами, не можем быть везде и даже не имеем на это времени, наше время не бесконечно, чтобы раскрыть все то, что с нами происходит.

Изучение и построение мира классической науки было бы невозможно без допущения гипотетически мощного интеллекта, не ограниченного пространством и временем. У Блеза Паскаля бесконечность выступает то под видом бесконечной природы, то, как бесконечный Бог, то в виде бесконечности человеческого познания, то в смысле бесконечных желаний и потребностей людей. Мы мыслим ограниченно и должны завершить мысленные шаги в заданное конечное время и в конечном пространстве. Нельзя с уверенностью говорить о бесконечности как свойстве самой реальности. Человек и его опытные знания конечны, поэтому мы не можем знать, бесконечен ли наш мир количественно и качественно, в отличие от его идеализаций. Часть вопросов, связанных с проблемой бесконечного, можно сформулировать так: как надо работать с бесконечностью, и каким образом конечный интеллект может изучать бесконечное? Человек бесконечно превосходит человека, поскольку конечный человек – по Паскалю – "бесконечен в своих стремлениях", движущей силой которых являются неизбежные противоречия всей его сознательной жизни.

Литература

1. Михайлова Н.В. М.Мамардашвили: философский анализ проблемы смысла науки // Философы XX века: Мераб Мамардашвили. - Мн.: РИВШ БГУ, 2000. - С.37-42.
2. Михайлова Н.В. Методологические проблемы теоретической математики: три философских аспекта // Учебное знание как основа порождения культурных форм в университетском образовании. - Мн.: Прописи, 2001. - С.243-254.
3. Еровенко В.А., Михайлова Н.В. Принцип радикального сомнения Рене Декарта в легитимации знания и преподавания современной математики // Адукацыя і выхаванне. - 2001, №4. - С.12-18; №6. - С.26-33.